

Российская академия наук
Институт восточных рукописей (Азиатский Музей)

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Материалы международной научной конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения
С.Г. Кляшторного

Москва
Наука–Восточная литература
2019

Т.А. АНИКЕЕВА*

Толкование снов в тюркской фольклорной традиции и «Китаб-и дедем Коркут»¹

В некоторых произведениях огузского эпоса («Книга моего деда Коркута», «Кёр-оглы») сновидение является важным структурообразующим элементом сюжета и характеризуется определенным набором признаков, позволяющих возводить его к обряду шаманской инициации: сон эпического героя предстает как обряд посвящения и дарования герою знаний и благоволения высших сил. Образная система сна, предвещающего будущее эпического героя, тесно связана с мифологическими представлениями тюркских народов. Так, толкование сна Салор-Казана («Песнь о том, как был разграблен дом Салор-Казана»), одного из наиболее ранних по времени сказаний, составляющих «Китаб-и дедем Коркут», в некоторой степени отражает представления тюрков-огузов о приметах и сновидениях.

Ключевые слова: эпос, огузы, толкование снов, приметы.

DOI: 10.25882/sx1m-cg93

Еще есть наука о веданье снов —
Рассказанный сон объяснить до основ.
Заснет человек — видит сны; если сон
Толкуется правильно, сбудется он.

(Кутадгу-билик, 54)

У многих тюркских народов существовала и существует в рамках более общей мантической традиции развитая традиция толкования

* Татьяна Александровна АНИКЕЕВА — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва); tatiana.anikeeva@gmail.com

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 17-01-50013.

снов, которая нашла отражение в различных формах фольклора этих народов. Отношение к сну как способу получения знаний о будущем, по всей видимости, является универсальным для тюркских народов. Так, в Южной Сибири состояние сна рассматривается как получение вещей знаний и сопоставимо с шаманским трансом [Традиционное мировоззрение, 1988: 105]. Это, в свою очередь, связано с одной из основных характеристик традиционной тюркской культуры: «Для носителей мифологического сознания мир, понимаемый как „ты“, являлся полноправным участником диалога» [Традиционное мировоззрение, 1988: 104].

Мы рассматриваем фрагмент из «Китаб-и дедем Коркут», который представляет собой повествование о вещем сне одного из главных героев эпоса. Это сон Салор-Казана (второе сказание, «Повесть о том, как был разграблен дом Салор-Казана»²).

В целом мотив сна играет весьма важную роль в турецком фольклоре; соответственно, тема сновидения в этом контексте исследовалась неоднократно. Так, И. Башгёз уже отмечал связь этого мотива и шаманской инициации в другом жанре турецкого фольклора — турецкой народной повести *hikaye* [Başgöz, 1998]. О.Ш. Гёкъяй в своем исследовании, посвященном «Китаб-и дедем Коркут», пишет, что мотив сна героя является одним из важнейших мотивов в сказаниях данного эпического цикла [Gökyay, 2000: СССІ]. Наиболее частотным, как пишет Гёкъяй, является мотив засыпания эпического героя крепким сном на семь дней — он встречается и в эпической традиции многих тюркских народов, и в сказках. Проводя столь широкие параллели, Гёкъяй тем не менее практически не останавливается собственно на снах персонажей «Китаб-и дедем Коркут», отмечая лишь, что, по всей видимости, сон Салор-Казана также отсылает к шаманистскому мировоззрению [Gökyay, 2000: СССІІ]. Кроме того, о мотиве сна как одном из основных в тюркском эпосе упоминают некоторые турецкие исследователи, в частности Х. Кёксал [Köksal, 1984; 1985]. В то же время сны рассматривались всегда как структурообразующая часть сюжета исходя из их функции (например, распространенный во многих жанрах тюркского фольклора мотив: герой видит во сне красавицу, влюбляется в нее и отправляется на ее поиски)³.

² Здесь и далее название сказания, а также отрывки из «Китаб-и дедем Коркут» приводятся по русскому переводу В.В. Бартольда [Книга Коркута, 1962].

³ Наиболее полно эта тема разработана на славянском материале или — шире — на индоевропейском. Так, статья С.М. Толстой «Иномирное пространство сна» [Толстая, 2002: 198–219] написана на материале этнолингвистических экспедиций в По-

Закономерно предположить, что толкование сна Салор-Казана его братом Кара-Гюне в какой-то степени отражает представления тюрков-огузов о приметах и сновидениях.

В ответ на просьбу Салор-Казана истолковать сон его брат Кара-Гюне отвечает: «Ты говоришь о черной туче — это твое счастье; ты говоришь о снеге и дожде — это твое войско; волосы — забота, кровь — черное (бедствие); остального истолковать не могу, пусть аллах истолкует» (см.: «Повесть о том, как был разграблен дом Салор-Казана» [Книга Коркута, 1962]).

Словосочетание *diim kara puserik* (букв. «совершенно черный туман, дымка») переведено В.В. Бартольдом как «мелкий дождь и туман» [Книга Коркута, 1962]. Слово *puserik* имеет в основном значения «очень густой туман (похожий на воду)», «пасмурная, облачная погода», «дымка» [Clauson, 1972; Gökuay, 2000: 271]. Надо сказать, что в совершенно иной культурной традиции, в славянской, в толковании снов, предвещающих смерть, играют важную роль, по словам С.М. Толстой, также концепты, связанные с водой: «видеть во сне воду, особенно мутную, темную, идти через воду, брести по воде... всегда толкуется как знак смерти: „Черная вода снится, и не переплывешь ее — к смерти“» [Толстая, 2002: 201]. По мнению С.М. Толстой, эта ассоциативная связь воды и смерти объясняется мифологическими представлениями славян о переправе умерших через воду и ролью воды в самом похоронном славянском ритуале [Толстая, 2002: 201]. Этот мотив сна, в котором спящему является текущая вода как предвестник смерти, конечно, отнюдь не является универсальным, и проводить широкие параллели сложно — тем более между абсолютно разными культурными традициями (такими, как славянская и тюркская). Так, по приметам хакасов, видеть во сне текущую воду «предвещает хорошо» [Образцы, 1907: 463]. Однако в то же время на тюркском материале достаточно хорошо прослеживается соотношение мутной, темной субстанции (воды-дыма-тумана), увиденной во сне, и плохим предзнаменованием для спящего. Это видно и на упомянутом примере из «Китаб-и дедем Коркут», и на материале уйгурского сонника: «видеть во сне огонь вместе с черным дымом — к беде... видеть себя в темной буре или вихре — терпеть зло от тиранов» [Пантусов, 1901: 39–40]. Согласно поверьям и современных турков, увиденная во сне грязная и мутная вода предвещает смерть [Örnek, 1977: 209–210].

лесье. В ней выделены, по выражению автора статьи, «ключевые концепты» сновидений (такие, как разрушенный дом, белый и черный цвета, вода и т.д.).

Снег и дождь (*kar ile yağmur*), как говорит Кара-Гюне, означает войско (хотя, как уже было замечено, собственно в рассказе Салор-Казана фигурирует туман). В уйгурском соннике, который приводит Н. Пантусов, «видеть во сне снег — пойти на войну» [Пантусов, 1901: 40]. Хакасские приметы о снах говорят, что «если увидеть, что идет дождь, то будут литься слезы» [Образцы, 1907: 462].

«Черный верблюд» (*kara deve*) во сне Салор-Казана, к тому же хватающий за затылок⁴, также обретает явно угрожающий смысл. По современным турецким поверьям, распространенным в Анатолии, видеть во сне верблюда (а также видеть, что кусает собака) предвещает скорую смерть⁵. Ездить во сне на верблюде, согласно поверьям желтых уйгуров, также ничего хорошего не предвещает [Малов, 1967: 23]. Очевидно, образ верблюда в тюркской системе снотолкований связан с плохими последствиями для видящего сон, где фигурирует этот образ. В то же время в данном случае особое значение обретает не сам по себе отдельный образ, но и связанные с ним атрибуты. Таким образом, можно говорить об определенной зависимости положительной/отрицательной окраски объекта, увиденного во сне, от качества/атрибута данного объекта. Так, видеть себя во сне на сытом верблюде означает достигнуть желаемого, а наоборот, на тощем и больном — не предвещает добра («нехорошо» — *yahshi yirmaz*) [Пантусов, 1901: 29]. Наиболее отчетливо оппозиция хорошего/дурного проявляется в некоторых хакасских приметах о снах: «Если (во сне. — Т.А.) увидеть луну, то умирает мужчина. Если увидеть солнце, то умирает женщина. Если во сне увидеть большое дерево, то умирает большой человек. Если во сне увидеть маленькое дерево, то умирает дитя» [Образцы, 1907: 462], или «Если во сне рубить сухое дерево, то умрет старый человек; если рубить сырое дерево, то умрет молодой человек» [Образцы, 1907: 635].

Скорее всего, принцип толкования снов, который прослеживается на всем протяжении тюркской фольклорной традиции — от поверий уйгуров до текста «Китаб-и дедем Коркут», поверий современных

⁴ В русском переводе В.В. Бартольда: «черный верблюд останавливает моего быка».

⁵ В современных турецких поверьях существуют определенные мотивы сна, которые толкуются как указывающие на скорую смерть. Беду предвещают следующие группы мотивов: связанные с деревьями, фруктами и овощами (например, вырывание саженцев, падение деревьев, черные и желтые фрукты), с животными (укус змеи, собаки, вообще видеть во сне буйвола, лошадь, *верблюда*), видеть во сне *туман*, огонь, пожар, различные хозяйственные принадлежности — черный котел, черную шерсть, черную веревку, *мутную и грязную воду*, тонуть в море [Örneк, 1977: 209–210].

малоазиатских турок, — в значительной степени (опосредованно) связан с семантическим полем слова, которое оно обретает либо в данной традиции, либо в рассматриваемом тексте.

Рассматриваемый нами сон Салор-Казана относится ко второму сказанию памятника («Песнь о том, как был разграблен дом Салор-Казана»), которое является одним из наиболее ранних (по времени сложения) сказаний, составляющих «Китаб-и дедем Коркут»⁶.

Как уже было сказано, мотив сна в «Китаб-и дедем Коркут» является довольно архаическим. Х. Кёксал относит мотив сна к числу так называемых базовых, основных мотивов тюркского эпоса вообще, выделяя группу определенных мотивов тюркского/турецкого эпоса, которые восходят к доисламскому времени [Köksal, 1985: 26]. К их числу (наряду с мотивами-образами, скорее — образом, дерева, луча света, серого волка, лошади, волшебства) отнесен мотив сновидения — сна.

Во сне Салор-Казана основные концепты оказываются связанными по своему значению с понятиями жилища, государства, социального устройства.

Слово **ordu/orða* (см.: *Düm kara pısarık ordumun üzerine dökülür gördü* — «я видел, что мелкий дождь и туман проливаются над моей ордой») этимологически почти во всех тюркских языках имеет круг значений «становище, местопребывание, место стоянки, ставка хана» (см., например [СИГЛ, 2001: 495]). Э. Севортыан возводит это слово к глаголу *orut-* ‘располагаться лагерем, останавливаться’; соответственно, одно из значений слова *ordu* ‘войско’ распространено и сохранилось в древнетюркском, османском, турецком, азербайджанском, крымскотатарском языках [СИГЛ, 2001: 563], т.е. в тюркских языках огузской группы. В «Китаб-и дедем Коркут» *ordu* означает «свита, сопровождение бея» [СИГЛ, 2001: 563].

Помимо *ordu* в значении «становище» во сне Салор-Казана есть и словосочетание *ag ban ev* (*ag ban ev* или *ag ev* вообще достаточно часто встречается в «Китаб-и дедем Коркут» в значении «жилище кочевника» [Gökyay, 2000: 158]), т.е. «дом с белой крышей» (*gökden ildirım ađ ban evüm üzerine şakır gördüm* «с неба молния поражает мое жилище с белым верхом»), который поражает молния. В древнетюркской «Книге гаданий» («Ырк Битиг») образ совершенно разрушенного, *сгоревшего* жилища символизирует дурное, нехорошее: «Большой

⁶ «Книга моего деда Коркута» хронологически неоднородна: принято разделять более ранние и относительно поздние (те, что сложились уже на территории Малой Азии после переселения огузов в Закавказье) сказания.

дом, говорят, сгорел. Не осталось даже и забора (крыши?). Так знайте: это дурно! — *Uluḡ äb örtänmiş, qatıñña tägi qalmadıq, bökiñä tägi godm(ad)ıuq, — tir, ança bilinlär: jablaq ol!*» [Малов, 1951: 86].

Кроме того, «Книга гаданий» напрямую связывает достаточно абстрактное понятие «разрушение» с понятием государства: «Я черное божество судеб. Твое сломанное я поправляю! Твое разорванное я соединяю! **Я устроитель государства...** — *Qara jol täñri män sunıquñın säpärmän üzüükiñin ulajur män ilig itmiş män...*» [Малов, 1951: 90].

Образ волка в тюркской мифологии крайне неоднозначен и противоречив⁷. Мы остановимся только на одном его аспекте, связанном со сном Салор-Казана и мотивом разрушения и конца света. Согласно астрономическим представлениям древних тюрков, созвездие Малая Медведица представляет собой повозку, влекомую двумя лошадьми; в упряжи Большой Медведицы находятся семь волков, которые гонятся за лошадьми. Если они догонят и схватят их, то нарушится земной и небесный порядок и наступит конец света [Ögel, 1971: 50]. В хакасских приметах о снах волк предстает как предвестник злого духа: «Увидеть волка значит придет дьявол» [Образцы, 1907: 463].

Таким образом, в своем сне Салор-Казан видит, как всевозможные бедствия происходят с ним самим, его домом и его людьми. Иными словами, масштаб этих бедствий во сне также обретает практически вселенский характер. Сон Салор-Казана в метафорической форме повествует о крушении миропорядка, переданном через предметный код сновидения⁸.

В сновидении Салор-Казана сохранились и другие архаические мифологические представления.

Так, например, в тексте, повествующем о сновидении Салор-Казана, применительно ко сну встречается эпитет *kara-kura* (*kara-kura düş = kara kaygulu vakia*) — «черный зловещий сон». Согласно указателю к «Китаб-и дедем Коркут», он встречается в эпосе только один раз. Согласно этому же указателю Гёкьяя, выражение *kara-kura düş*

⁷ Волк, как и собака, является одним из важных символов в тюркской мифологической системе. Более подробно об образе волка в тюркской мифологии см.: [Ögel, 1971: 42–52].

⁸ Интересно, что в славянской традиции также мотив развала, смерти связан с образом разрушения жилища. Дом воспринимается как «локус жизни» [Толстая, 2002: 202], и поэтому его разрушение в той или иной степени предвещает смерть кого-либо из членов семьи. С.М. Толстая приводит некоторые примеры полесских и других славянских поверий: «Як снится, сто стинка вывалится покутня — то к смерти»; «Якщо бачишь во сні печь развалюється — к мерцю» [Толстая, 2002: 202].

görmek означает «видеть страшный сон, кошмар, чувствовать во сне тяжесть» [Gökyay, 2000: 237]. В своем исследовании, посвященном «Китаб-и дедем Коркут», Гёкъяй указывает, что слово *kara-kura* означает злого духа, который, по современным турецким поверьям, бытующим в Анатолии, мучает спящих людей [Gökyay, 2000: СССР]. Более подробно поверье изложено у В.А. Гордлевского: «*Каракура* — это животное вроде кошки, она садится на человека, когда он спит. Спящий ощущает тяжесть, теряет голос, не может повернуться, дыхание его обрывается» (записано от уроженца Аяша, Анкарского вилайета [Гордлевский, 1968: 308]). Чтобы *каракура* ушла, необходимо прочесть 1-й аят из 113-й суры («Рассвет») Корана, а чтобы она не приходила, под подушку кладут нож или кусок железа [Гордлевский, 1968: 308].

Современные турецкие поверья сохранили отголоски мифологических представлений огузов; и кроме того, если уже в «Китаб-и дедем Коркут» (начало циклизации и оформления сказаний этого эпоса относят приблизительно к XI в.) это слово является не более чем эпитетом, возможно, этот неясный образ отражает какие-то еще более древние мифологические представления⁹.

Сны в «Китаб-и дедем Коркут» содержат в себе многие элементы традиционной тюркской картины мира и воспроизводят традиционные тюркские мифологемы.

Литература

- Гордлевский, 1968 — Гордлевский В.А. Из османской демонологии // Избранные сочинения. Т. IV: Этнография, история востоковедения, рецензии. М.: Наука, ГРВЛ, 1968.
- Книга Коркута, 1962 — Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос / Пер. акад. В.В. Бартольда; изд. подготовили В.М. Жирмунский, А.Н. Кононов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962 (Литературные памятники).
- Малов, 1951 — Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Михайлова, 2002 — Михайлова Т.А. Осмысление инобытия в традиционной культуре // Сны и видения в народной культуре. М.: РГГУ, 2002.

⁹ В принципе образ неперсонифицированного ночного духа, являющегося к человеку во сне и душащего его, достаточно универсален для многих народов (*мара* у германцев, *ламия*, *албасты* и пр.) и имеет хорошо исследованную психическую природу (см.: [Михайлова, 2002: 310–327]).

- Образцы, 1907 — Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. СПб., 1907.
- Пантусов, 1901 — *Пантусов Н.Н.* Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа. Вып. 7. Таранчинский снотолкователь (текст и перевод). Казань, 1901.
- СИГЛ, 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд. М.: Наука, 2001.
- Толстая, 2002 — *Толстая С.М.* Иномирное пространство сна // Сны и видения в народной культуре. М.: РГГУ, 2002.
- Традиционное мировоззрение, 1988 — Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Ред. Н.И. Гемуев. Новосибирск: Наука, 1988.
- Başgöz, 1998 — *Başgöz I.* Dream Motif in Turkish Folk Stories and Shamanistic Initiation // *Turkish Folklore and Oral Literature. Selected essays of İlhan Başgöz / Ed. by Kemal Silay.* Bloomington: Indiana University Turkish Studies, 1998.
- Clauson, 1972 — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxf.: Oxford University Press, 1972.
- Gökyay, 2000 — *Dedem Korkudun Kitabı / Haz. O.Ş. Gökyay.* İstanbul: Milli eğitim basımevi, 2000.
- Köksal, 1984 — *Köksal H.* Battalnâmelerde tıp ve motif yapısı. Ankara: Başbakanlık basımevi, 1984.
- Köksal, 1985 — *Köksal H.* Milli destanlarımız ve türk halk edebiyatı. İstanbul, 1985.
- Ögel, 1971 — *Ögel B.* Türk mitolojisi (kaynakları ve açılmaları ile destanlar). I cilt. Ankara: Türk tarih kurumu basımevi, 1971.